

75 коп.

Рп

1

76/08

АЛЕКСАНДР ЯШИН

КРАСНАЯ
ГОРКА

ВОЕНМОРИЗДАТ 1942

Смерть немецким оккупантам.

БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

АЛЕКСАНДР
ЯШИН

КРАСНАЯ
ГОРКА

Балтийские стихи

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ
Москва 1942 Ленинград

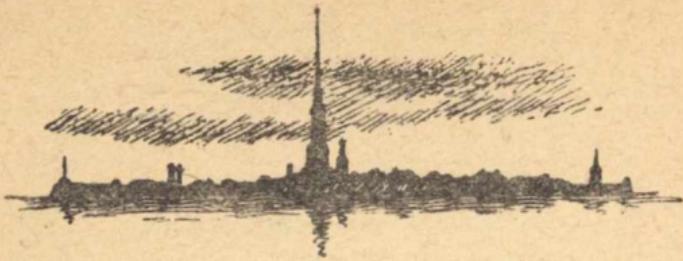
96 + 14

настороже книжн., кипчака, разетки

Редактор М. Брамм

Подписано к печати 14/V 1942 г.
Объем 17/8 печ. лист. Уч.-авт. л. 1,2
Знаков в 1 печ. листе 55976. ГМ33350.
Заказ № 427.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва
„Искусство“
Москва, улица 25 Октября, 5.

МОРЯКИ ЛЕНИНГРАДУ

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.*

A. Пушкин

Не сгаснут в мире наши звезды,
Не могут реки вспять потечь...
Мы любим эту землю, воздух,
Родную пламенную речь.

Прошедшие сквозь все невзгоды
На берегах Невы-реки, —
Дороги эти, эти воды
Мы отстоим,
Мы — моряки!

Раскалены стволы орудий.
За каждым пнем моряк залег.

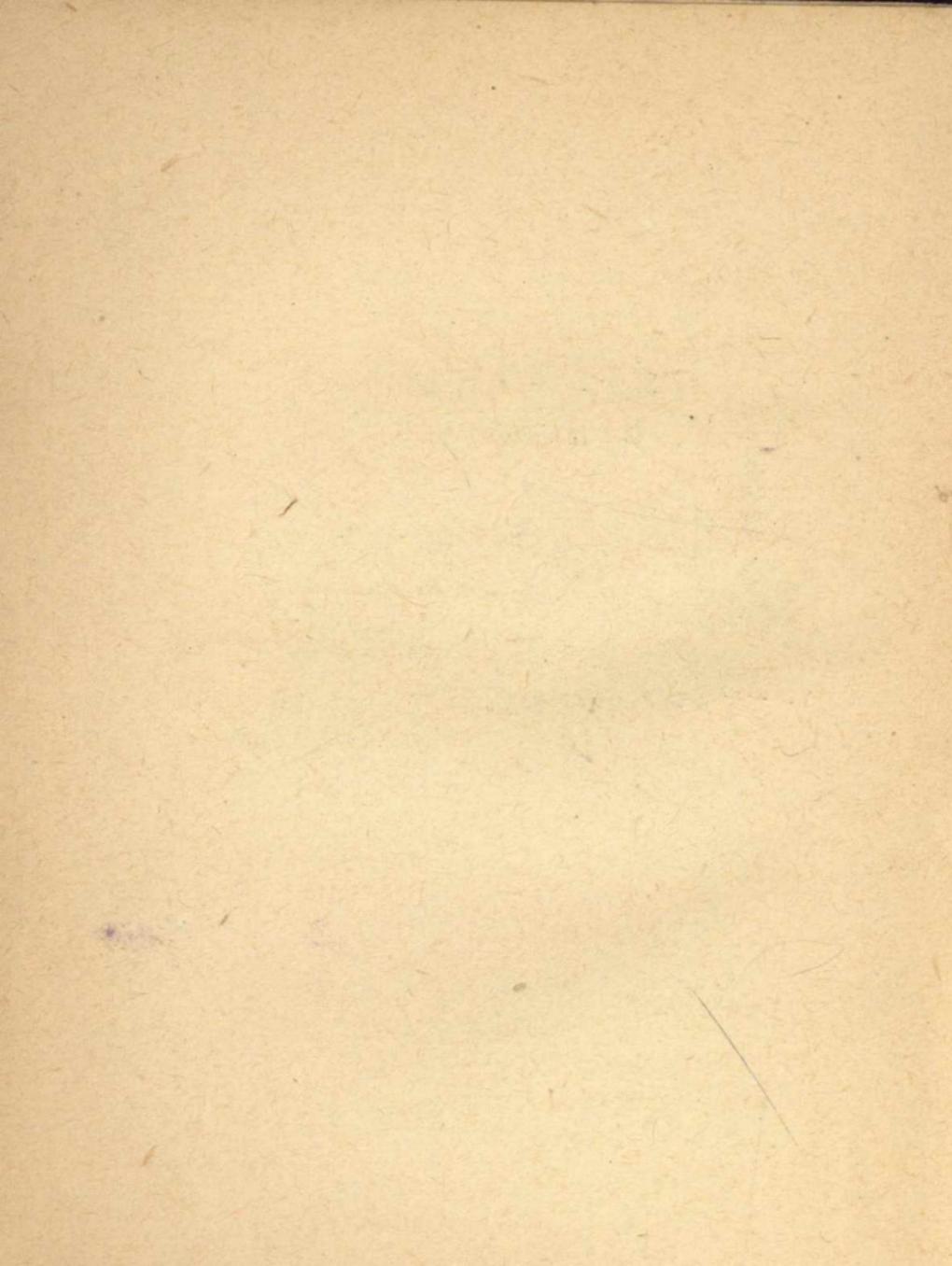
Где Ленин жил —
стучать не будет
Фашистский кованый сапог.

И не согнет наш город спину.
От наших рук врати умрут.
Ни к Ленинграду,
ни к Берлину
Они живыми не дойдут.

I

БАЛТИЙЦЫ
В БОЮ

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Круча лесная.

Красный огонь по стволам.

С катера глянешь — сосны без края,

С воздуха — та же глушь расписная:

Здесь бы парить орлам.

Хвойные тени. Зеленая грива.

Серый овал валуна.

Глянешь с залива — очень красиво:

Небо надиво,

Воздух надиво

И тишина, тишина.

Но наступленье враги начинают,

И разражается гром:

Камни взлетают,

Сосны стреляют,

Дышит земля огнем.

Люди сидят в бетоне и в стали.

Много врагов сметено:

С воздуха лезли — землю вспахали,
С моря — пошли на дно.

Красная Горка ищет работы,
Чуть намекни, укажи, —
Путь разметет для красной пехоты:
К небу взлетают фашистские доты,
Танки, дома, блиндажи.

Красная Горка. Мерзлые комья,
Светлый изгиб берегов.
Каждая тропка здесь Сталина помнит,
Твердость его шагов.

Каждая башня,
Каждая створка,
Люди — до одного
Любят его
И верят в него.
Красное знамя
Над Красной Горкой
Взвито рукою его.

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темнозеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне!

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь пропустила —
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа.
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только бы мерзли, дрожали бы гады,
С ужасом ждали бы нашей зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: терпи!
Только бы враг не зашел далеко,
Только б врагу не давалось легко
Все, чем мы жили,
Все, что любили,
Что возводили на веки веков.

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал, —
Только б разбойник околевал!
Пусть разгуляется вихрь-коловорть:
Русскому — здорово,
Немцу — смерть.

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,

В полночь — беззвездным,
К утру — безлунным,
В полдень — знобящим, низким,
чугунным.

Пусть оно будет тогда голубы^и
Когда победим.

СНАЙПЕР

Он лежит в снегу глубоком,
Час лёжит,
И два лежит.
Где-то сбоку недалеко
Вражеские блиндажи.

В наспех вырытых траншеях,
Свирипая без еды,
Немцы давят вшёй на шеях,
Скоблят серые зады.

Он лежит в халате белом,
Он от холода дрожит.
Тело словно задубело,
Занемело,
Он лежит.

Жиром смазанные щеки,
Как в поту, слегка блестят.

Ветви хвойные под боком,
Будто хвостики лисят.
На оптическом прицеле
Тонкий изморози след.
Что-то долго нету цели —
Живы немцы или нет?
Он гнезда не покидает,
Не стреляет наобум.
Под локтями снег растает —
Он лежит и наблюдает.
Много времени для дум.

На Украине богатой
Среди вишен, чебреца
Он родился в бедной хате.
Из-за немца, из-за ката
Жить остался без отца.
Мать выплакивала очи,
Пела песенку одну:
«Подрастай-расти, сыночек,
Собирайся на войну...»

Слезы матери доныне
Не оплачены сполна.
Он следит за далью синей,
Он лежит. Колючий иней
Сыплет старая сосна.

Снова плачет Украина,
Перерезаны пути.

Провожала мамо сына,
Говорила:
— Отомсти!
Может, нет ее на свете?
Запустело на дворе?
Вновь оплакивают дети
И отцов и матерей.

Солнце всходит и заходит
Над равниною седой.
Он с траншеи глаз не сводит...
Что-то фюрер не выходит
За дровами, за водой.
Перекинувшись на спину,
Отогрев немногого грудь,
Говорит он:
— Не застыну.
И засады не покину,
Не убив кого-нибудь.
И когда из-за сугроба
Двое вышли на мороз,
Оживает он —
И оба
Улетают под откос.
С каждым выстрелом все ниже
Немцев вшивые ряды,
С каждым выстрелом все ближе
Милой родины сады.

ТАК ДЕРЖАТЬ

Три «кукушки» на опушке
Нас хотели взять «на-пушку»:
Дескать, вы окружены,
Дескать, сдаться вы должны!

Моряки не таковы,
Моряки идут «на вы».

В лес на стрекот автоматов
По траве пополз Горбатов.
Одного поймал на мушку,
Сбил другого в ту же кружку,
Третий крикнул:

— Добрый бог! —
И нырнул с верхушки в мох.

Чуть кряхтя от автоматов,
Вышел из лесу Горбатов
И сказал нам:

— Так держать!
Будем сами окружать.

БАЛЛАДА О БАЛТИЙСКОМ ТАНКЕ

Балтийский танк попал в болото —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Как он рычал и огрызался,
Взрывал закисший перегной!
Горячий дым по кочкам стлался...
Все нарастал,
Все приближался
К нему из леса волчий вой.

С немецкой водкою в баклагах
Солдаты, как из-под земли,
Хлебая ржавчину в курпагах,
К нему со всех сторон ползли.

Он — неподвижный, башня в тине, —
Еще разбрасывая ил,

Сидел в пузырчатой трясине
Кругом в осоке, как в щетине,
И каски серые дробил.

Из пушки бил,
Из пулемета.
Потом он дал остыть огню.
Мотор заглох...
И вот пехота
Из рощи — сзади,
От болота —
Насела с гиком на броню.

86108

Он, словно мамонт в ловчей яме,
Затихнув, бивень опустил.
Его потрогали штыками
И в штаб решили увести.

Позвали танк.
Подкравшись с тыла,
Чтоб наш разить его не мог,
Широкозадый, тупорылый
Фашистский слон что было силы
Налег на цепь —
И поволок.

Вода и прязь текли с металла.
Осенний день совсем погас.
Два танка вышли из увала...

Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?!

Два раза мы в Берлине были,
И мир не знал штыков грозней,
На льду Чудском тевтонов били.
На юге банды мы громили, —
Теперь мы в сотни раз сильней!

Едва из топкого болота
Балтийский танк взошел на вал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгревев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла.
Верх одержав,
Он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел по пожне полосатой,
Подмяв пенек,
Подрезав ствол, —
Он сам уже врага повел!

Все разметая, к дальним хатам
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он вошел.

Казалось, ели молодели,
Казалось, ветер в поле стих —
На танк во все глаза глядели.
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

СТАЛИН В ЗЕМЛЯНКЕ

Нашу землянку мы звали дотом.
Каждый товарищ видел, входя,
Светлый, висящий над пулеметом
В узенькой рамке портрет вождя.

Дочку подняв и любуясь ею,
Он улыбался и ей и нам...
Так он казался еще роднее,
Ближе и ласковей всем бойцам.

С именем Сталина шли мы в схватки,
Гнали врагов штыком и огнем.
Класть немчуру на обе лопатки
Нам помогала память о нем.

Немцы на нас напали сналета,
С криком и посвистом: ну, конец!
Три пулемета
У самого дота
Начали дробно рубить свинец.

Мы сплоховали,
Мы побежали.
Только один задержал ребят,
Крикнул:
— Товарищи, в доте Сталин!
И командир подхватил:
— Назад!

Если б дрожало все мирозданье,
Солнечный свет над землею погас,
Мы и тогда бы пришли в сознанье,
Сталина вспомнив в последний час.

— Слушай команду!
Гранаты в дело!
Ринулись мы в огневую волну.
Кто не припомнил из самых смелых
В эту минуту детей, жену,

Город любимый,
Родные лица,
Все, чем мы жили со школьных лет?..
Вспомнилось:
В трудные дни для столицы
Сталин ее не покинул, нет.

Роту фашистов штыком, гранатой
Мы отогнали, с мест не сходя,

Стал еще ближе, родней ребятам
В узенькой рамке портрет вождя.

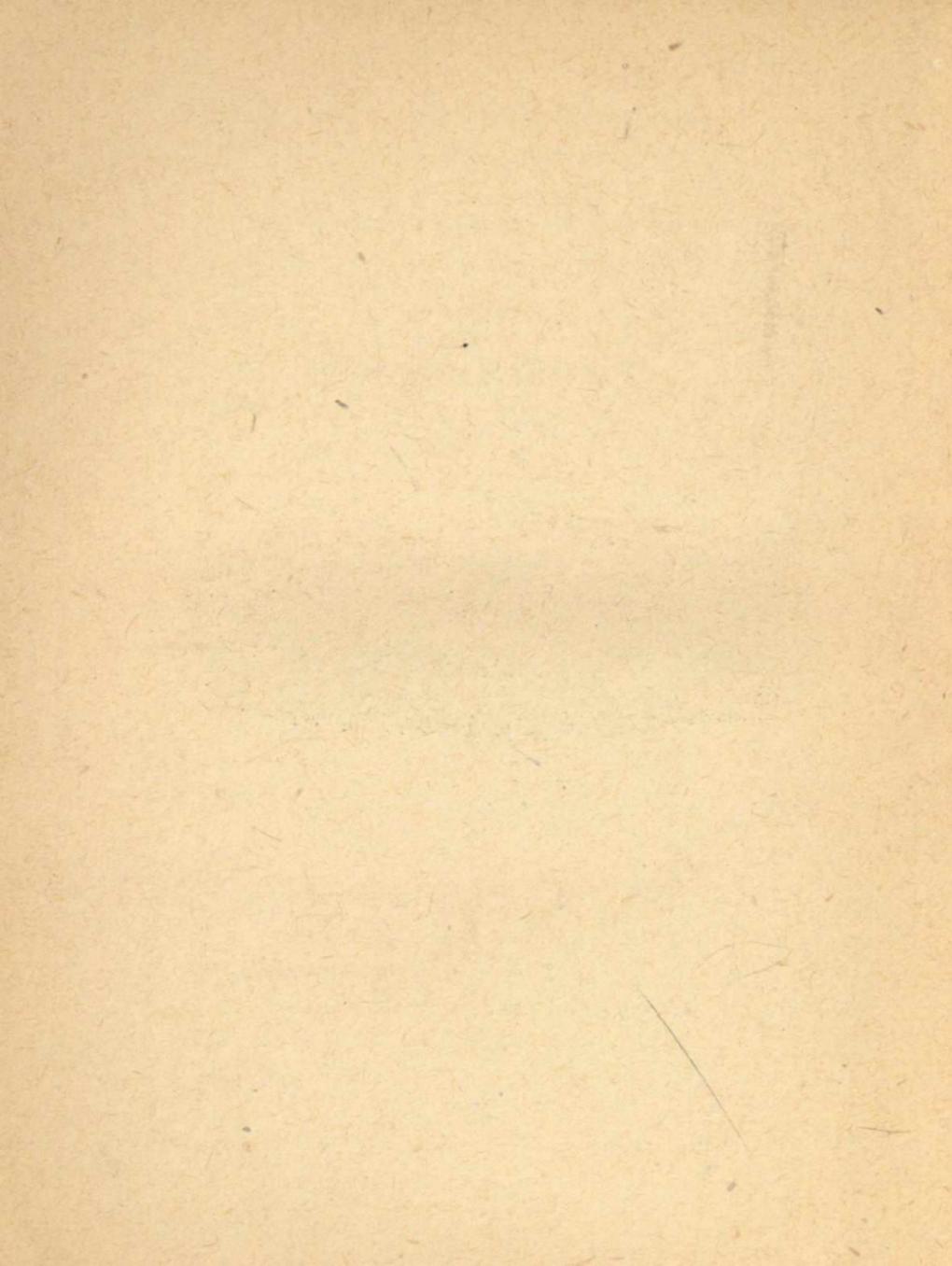
Немцы костей своих не собрали —
Нам поутру пришлось собирать.
Только, по-честному:

если б не Сталин,
Нам бы землянку не отстоять.

И

ФРОНТОВАЯ
ЛИРИКА

ТОВАРИЩУ ПОРОКОПУ

Комиссару Андрею Лебедеву

Теперь бы нам поля дожинать.
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
К зиме с молотком утеплять дома.

В березах чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька...

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг,
Не дрожи, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг.

В Москве не достроены корпуса.
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За наши дороги, за наши леса,
За русскую землю,
За наш народ.

Фашисты берут на шум, на испуг,
Стреляют, не целясь,
Идут в дыму.
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча выщелкивай по одному.

Мы жен разослали по деревням,
Детей переправили в глубь страны.
Так пусть обернется лицом к врагам
Весь ужас большой жестокой войны!

Не мины — трусость в бою страшна.
Но мы — моряки,
И сосед — моряк.
За нами стоит родная страна,
Кремля стена,
Ленинграда стена...
Так не отступим, мой друг, ни на шаг!

ПОЛЕ

«*O, поле, поле!..*»

Где конец его и где начало —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит:
Не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь,

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки.
Желтый ров с обитыми краями,
Словно русло высохшей реки.

С грязною соломою окопы,
Скорлупа яиц, как черепа,

Проволокой спутанные тропы
И на ней, как трупы,— три снопа.

Полюшко родное. Свёлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды—
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку.
Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку!
Нам и поле поднимать с руки.

ЛЫЖИ

В детстве было:

Сыромятные ремни скрипели —
Мы неслись на лыжах в дым метели,
В лес густой, за дальние лога.

Разводили под горой костры
И, раскинув руки, пригибаясь,
Прямо через полымя с горы
Прыгали, визжа и задыхаясь.

Баловством, забавою тогда
Нам самим все это представлялось.
Нам казалось:
Пролетят года,
Подрастем, оstepенимся малость

И забросим лыжи на чердак,
Позабудем, как они скрипели.

Но года прошли,
А мы никак
С лыжами расстаться не хотели.

В боевые в нынешние дни
Мы их приравняли к пулемету,
Чтоб несли военную работу.
Очень пригодились нам они!

Все нам служит —
стужи и снега.

К паре лыж «Максимку» приторочив,
Мы уходим ночью в тыл врага
По путям, которых нет короче.

Будто стекла на закате дня,
Лица полыхают на морозе.
Раненых друзей из-под огня
Мы легко и бережно вывозим.

Где и вездеходам не пройти —
Рвы, заносы белые по пояс,—
Становись на лыжи
И лети
За поземкой следом хоть на полюс.

Неустанны, на ногу легки,
Проходя по фронту шагом полным.

Мы и в снежном поле — моряки,
Ведь сугробы снега — те же волны.

Не укрыться никуда врагу —
Мы нагрянем,
Мы его достанем!
Застревает вражий танк в снегу —
Мы нигде на лыжах не застрянем.

ТЕТЕРЕВА

Однажды грохот орудийный стих,—
В прозрачной, еле слышной дали,
За озером, в березняках густых
Тетерева, как встарь, затоковали...

Немудрые, гортанные лады.
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов,
И бульканье воды,
И голубиной пары воркованье.

Во мне охотник устоять не смог,—
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток...
Но не с ружьем пошел,
А с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам,
По листвопадной преали,

С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой зовущей цели.

Казалось, только с просеки сверну —
На синем фоне
Средь верхушек рыжих,
Как черную ущербную луну,
Тетерку раздобревшую увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье...

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость
И грубое гуденье чугуна
Порою проносилось в перелеске.
Тетерева ли? — думаю.

А сам

Ползу вперед.

Охотник я бывалый:

С тяжелым автоматом по лесам
Я всяких гадов пошибал немало.

Ползу вперед.

И вот у цели я.

Раздвинулась от выстрела опушка,
И с елки, снаряжением звения,
Свалилась в мох фашистская «кукушка»...

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель,
Длинная, походная,
В слякоть осени,
В метель
Теплая и модная,

Черная, просторная,
Ладная, нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная!

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ:
За одну шинель матроса
В гости девушка зовет.

И подушка, и постель,
И шатер — моя шинель.
Если надо, в жгут свернется,
На ночевке — вытянется.
Ветер грязнет,
Дождь польется,
Ты — моя спасительница!

Мало — дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?
Неужели в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, всегда я буду в ней,
В боевой, родной,
В своей,
Как и тот, кто к нам выходит
На гранитный мавзолей.

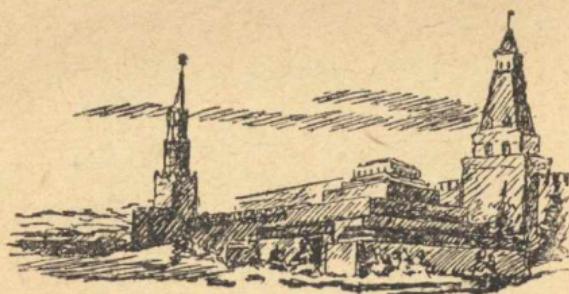
Будет помниться война —
Тяжела была она.

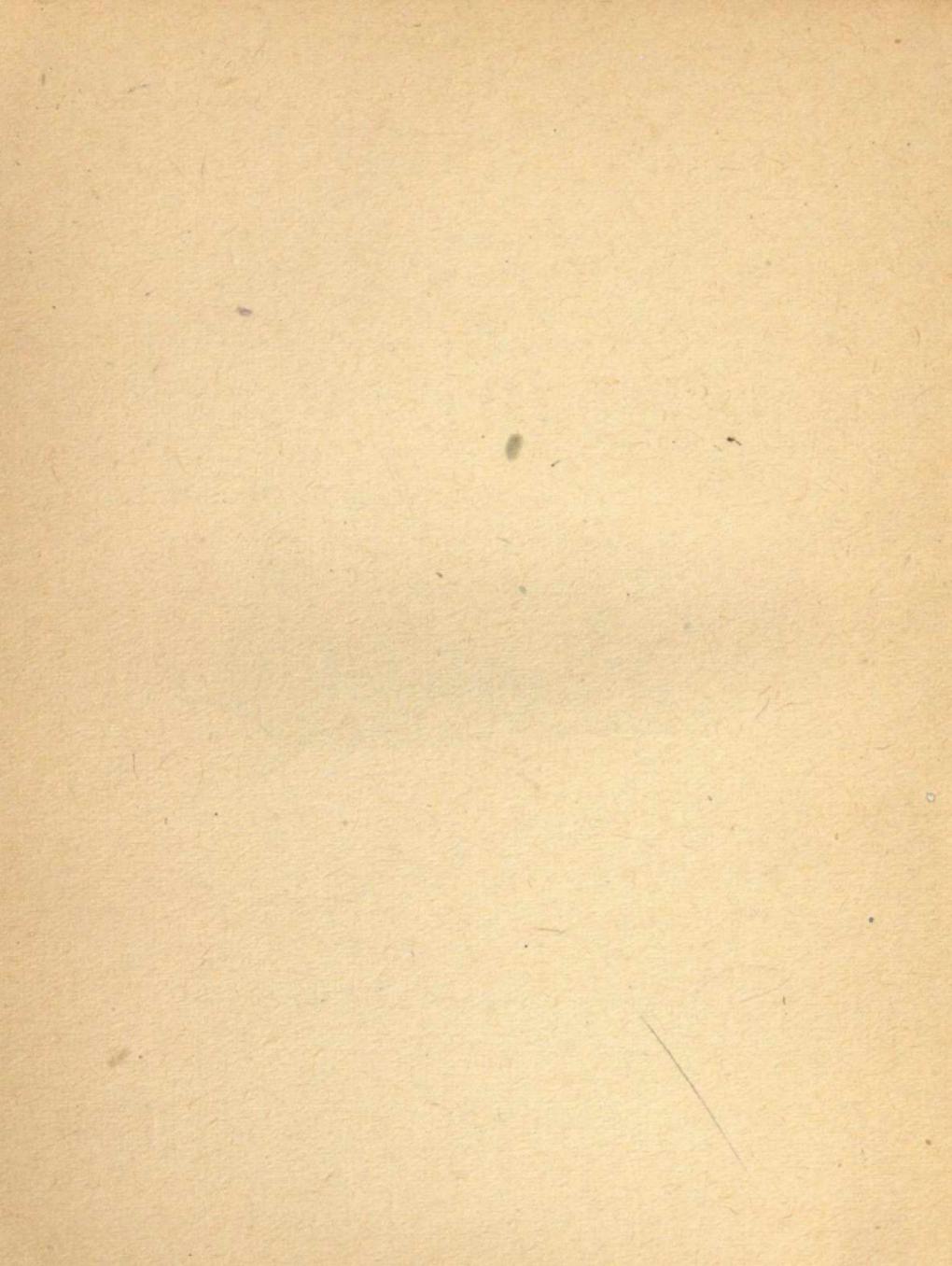
Будет дорого вдвойне,
Что отбито на войне.

А покуда войны есть,
На земле смертей не счастье —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

III

МОСКВА ЧИТАЕТ СТИХИ

МОСКВА ЧИТАЕТ СТИХИ

Шинель откинув,
встаю до рассвета;
От холода челюсти сводит мне.

Москва читает стихи поэта
О жизни товарищей,
о войне.

Железные ритмы гремят набатом.
Где ходит он нынче —
мой друг и брат?

Он был непоседливым, угловатым —
То слишком застенчив,
То грубоват.

Увидит знакомого — вскинет брови
И шествует дальше —
широк, высок.

Лжеца обрывает на полуслове,
Друзей зазывает к себе на часок.

По всем кольцевым и тверским бульвам
Он тропку имел прямую.
свою.

Бывал агрономом и кочегаром,
Пожары тушил,
Служил санитаром,
Жалел об одном:
Не бывал в бою.

А землю любил любовью солдата,
И только страна пошла воевать, —

Ввалился заполночь в дверь Наркомата,
Сказал комиссару:
— Прошу призвать!

Во флотской шинели
Уже на платформе
По-дружески он говорил отцу,

Что русским поэтам
Военная форма
От века доныне была к лицу.

Москва читает стихи героя
Про мужество наше,
нашу войну.

Фашистские рации землю роют,
Беснуются немцы,

Свистя и воя,
Глушат, забивают Москвы волну.

Эфир сатанинская рвет машина,
Стучат жернова,
Кричат петухи,

Кошачий концерт дают из Берлина —
И я не могу разобрать стихи.

Но я, не считая, не слыша, знаю
И рад за поэта от всей души:

Должно быть, стихи его хороши,
Раз варвары эти
так завывают.

ЛИТКРУЖКОВЦАМ БРОНЕПОЕЗДА № 8

Нам дорого с фронта каждое слово,
Заметка бойца за сердце берет.
Читаю приписку:
«Действующий флот»,
Как в письмах от матери:
«Жива, здорова».

Слова звучат, как музыка марша —
Сильны, воинственны и горды.
Да, действует, действует Армия наша
С воздуха,
с суши,
с воды.

Торпедой топит,
Крушит прикладом,
Железом разит и огнем,
Чтоб никогда фашистские гады
Уже не рвались в наш дом.

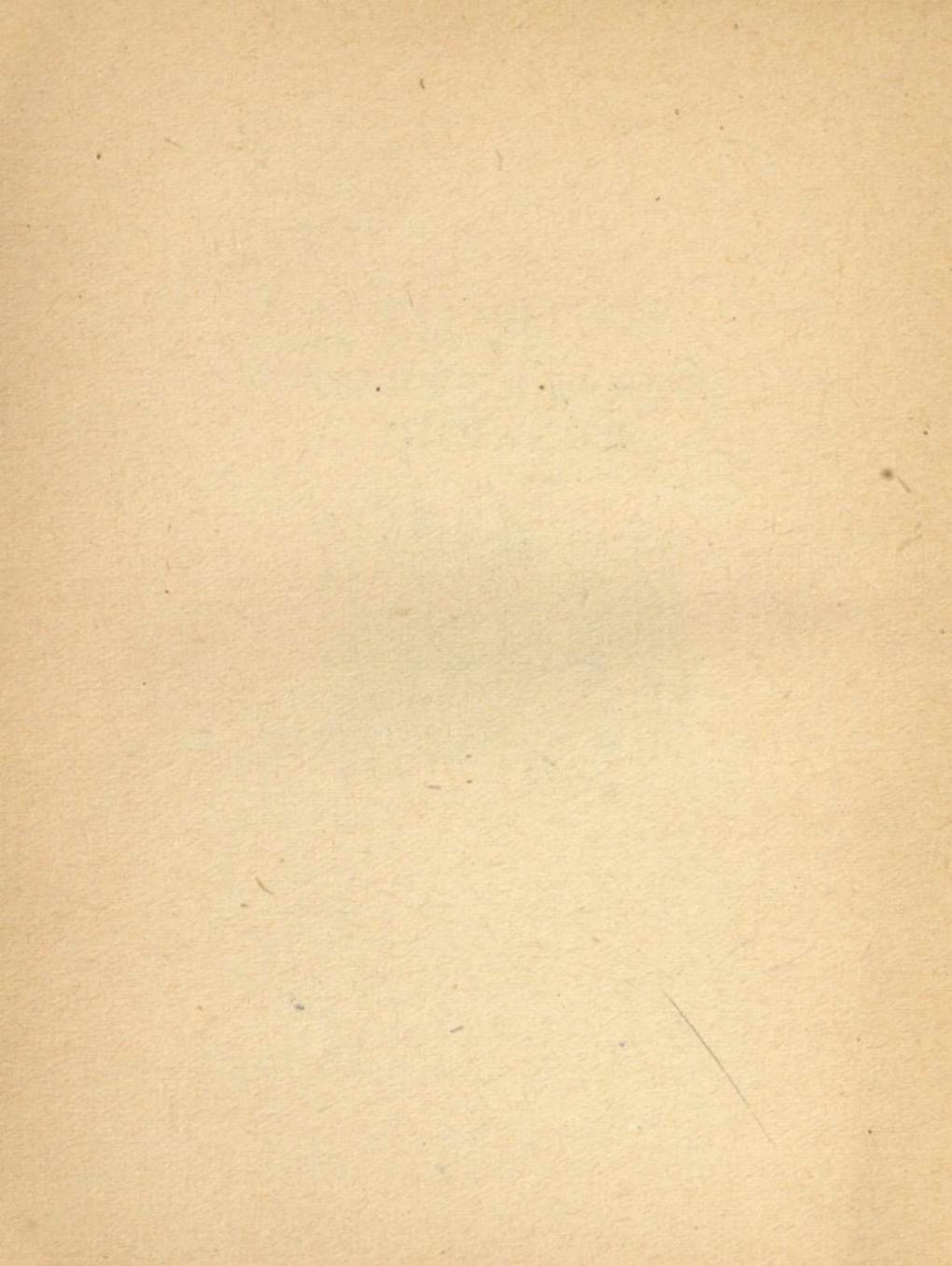
Вот так и поэту работать надо,
Чтоб действовала строка.
Сегодня, только работая на день,
Работаешь на века.

Все силы свои отдам на победу —
Заданий других нет,
Штыком и стихом громи людоедов:
Ты — действующий поэт.

IV

ПРАЗДНИЧНЫЕ
ПОДАРКИ

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ

После боя у леска,
У зеленой ели
Три приятеля-дружка
Отдохнуть присели.

— Скоро праздник,—говорят,—
Как его отпразднуем?
Чем подразним,— говорят,—
Немцев —
своловочь разную?

— День не маленький, ребята,
Встретить чем-то надо,
Хоть не шумно, не богато,
Хоть по паре бы на братца
Уложить их, гадов.

— Руки, что ли, коротки,
Или мы не моряки?!

Взяли снайперки
и — в лес

Всем путям наперerez.

Увидал зверек винтовку
И скорей под снег полез,

На восходе у леска,
У зеленої ели
Три балтийских моряка
Встретились
и сели.

— Рано вышли?

— Да, раненько.

— Было что?

— Да разное...

— Как живется?

— Помаленьку.

— Празднуете?

— Празднуем.

— Я застал у немцев бал
И подполз,— один сказал.—
Бросил в избу три гранаты.
Полагаю — угадал.

А другой друзьям своим
Рассказал, пуская дым,

Что у трех взял документы,
Одного привел живым.

Третий молвил:
— Я, ребята,
Взял четыре автомата,
По дороге миномет
На пруду пустил под лед.

Так балтийцы-моряки
Истребители-стрелки
Праздник свой жаркими
Встретили подарками.

ПЕРЕБЕЖЧИЦА

Были мы в засаде вроде —
За передней линией.
Тишина. Курки на взводе.
Небо темносинее.

В этой самой тишине,
Сбоку от селения,
На фашистской стороне
Поднялось смятение.

Пулеметы стали бить,
Минометы стали бить.
Мы гадаем:

— Не с ума ли
Немцы начали сходить?

По кому они палят?
Кто там в поле мечется?
Будто — пыль,
Будто — чад?..

С фланга вдруг нам кричат:
— Это «перебежчица»!

Не стреляйте, мол,— своя!

Смотрим:

от селения

Скачет жирная свинья
К нашим укреплениям.

Будто в хлев от дождя
Под свинцовым свистом,
Ног и жизни не щадя,
Мчится от фашистов.
И визжит, так визжит,
Аж земля вокруг дрожит.

У свиньи бока черны,
Далеко стрелку видны:
С морды — целься в «пятачок»,
В зад стреляй —
мишень «крючок»,

Только «рыцари» не метки.
Попаданья очень редки:
По лепешке «пятачка» —
Ни единого очка!

Не палима, невредима,
От фашистов из села

Полосой огня и дыма
К нам хавронья перешла.

Надо ль много говорить?
Нынче наши знают,
Что и свиньи с немцем жить
Больше не желают.

ЗЕМЛЯНКА

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи,
И ни дня
Без тревоги, без огня.
Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой —
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем, —
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин,
Просит:
— Милости прошу!

Милости прошу гостей,
Будьте словно дома.

Нет ли свежих новостей,
В битвах — перелома?

Нет ли, словом,
 про войну
Под Ростовом
 на Дону?

Если есть,—
Прошу присесть,
Окажите дому честь.
Озираемся, присели.
Что за роскошь в самом деле!
Прямо — дверь
И справа — дверь,
Слева — тоже двери,
Ширина — саженью мерь,
Не землянка — терем.

В мире нет прочней берлог.
Пол из досок —
 ровен,
Крепче стали потолок —
Три наката бревен.
Хоть громи прямой наводкой —
Не пробьешь вовеки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз.

Печка, два котла,
Кот приблудный у стола.
Умывальник в уголочке,
Полотенце на крючочеке,

И смолистый воздух.

Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Кубрик светел, как поднос,
Весь зашит в зеленый тес.
Со стены оглашено:
«Здесь курить воспрещено!»

У стены двойные нарьи,
Подойдешь и — ляжется
Сено взбито —

даже старым
Жестко не покажется.
После боя сладко спится,
Много снов хороших снится.

Светит ярко каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец —
Нет цены землянке.

Стол. Прибор для туалета —
Чашечка лущистая.

Не землянка — Дом Культуры
Собственной архитектуры.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
— Превосходная квартира,
А на сколько ж зим и лет?

Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки,
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

Может, солнце на восход —
И покинем этот дот:
Пусть играют в нем ребята,
Ну, а мы пойдем вперед.

А фашистов выставим,
Землю ими выстелим,
Да возьмемся за работу —
Мы такое выстроим!..

С НОВЫМ ГОДОМ

Завершена пора отхода,
На запад ринулись полки.
С победой новой,
С новым годом,
С походом новым, моряки!

Громят фашистов наши пушки,
Им не укрыться от штыков...
Бокалов нет —

поднимем кружки,
Поднимем крышки котелков.

И поклянемся нерушимо,
Что в наступающем году
Мы все вернем стране любимой,
Сомнем фашистскую орду,

Что немца сломим, уничтожим,
Что будем мы и впредь

Во всем на Сталина похожи —
Как он — держать
и в даль смотреть.

Что нашей сметкой и отвагой
Гордиться будет весь народ.
Друзья, откроем наши фляги,
Да здравствует победный год!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Моряки Ленинграду	3
-----------------------------	---

I. Балтийцы в бою

Красная Горка	7
Русские мы	9
Снайпер	12
Так держать	15
Баллада о балтийском танке	16
Сталин в землянке	20

II. Фронтовая лирика

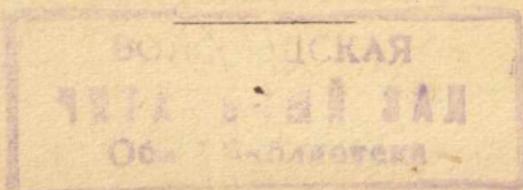
Товарищу по окопу	25
Поле	27
Лыжи	29
Тетерева	32
Шинель	34

III. Москва читает стихи

Москва читает стихи	39
Литкружковцам бронепоезда № 8	43

IV. Праздничные подарки

Праздничные подарки	47
Перебежчика	50
Землянка	53
С новым годом	57

✓
56

52

54,

07

16